

A cinematic photograph of a family in a war-torn landscape. A man with a beard and a woman in a white headscarf with blue floral patterns are embracing. The woman is holding a baby wrapped in a white blanket. A young boy stands to the left, looking up. In the background, a stone castle with multiple towers and flags is visible under a dramatic, cloudy sky. The overall tone is somber and emotional.

Лена Коваленко

Любовь
для Горя

Лена Коваленко

Любовь для Горя

<https://litres.ru/73952913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Горе — прославленный герой, опытный воин, княжеский воевода, наместник большого города. Он добился всего, о чём мечтал мальчишкой, — но на душе пусто. Ему хочется не славы, а простой ласки, тишины и мирной жизни.

И в этот момент в его жизни появляется она: женщина, которую он знал ещё девочкой.

Пока Горе покорял поля сражений, она успела вырасти, выйти замуж, овдоветь и забеременеть. От него? Или не от него?

Теперь перед прославленным воином стоит задача посложнее, чем любая битва: разобраться в собственных чувствах, поверить женщине и понять, что настоящая победа — не на поле боя, а в сердце.

P.S. Авторский эксперимент в жанре любовного фэнтези. История будет бесплатной. Мне понравилось писать в таком стиле — а понравился ли вам результат? Жду обратной связи!

Содержание

Глава 1. Фея любви.	4
Глава 2. Жена	14
Глава 3. Сын	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лена Коваленко

Любовь для Горя

Глава 1. Фея любви.

— За воеводу! — взревел трактир дружным мужицким хором, и застучали глиняные крынки. Горислав только поморщился. Я понимал, что моё возвращение, да сразу в статусе наместника, будут отмечать бурно, но сам устал. Хотелось просто упасть на кровать, чтоб под спиной было не войлочное одеяло или вонючая после дождя шкура, а мягкая перина, ну или, на худой конец, набитый сеном тюк — сухой, без клопов и не вонючий. Спал бы и спал.

Вдруг голоса в трактире затихли, дверь отворилась, и в зал вошла девица. Не вошла. Вплыла. Тонкая, ладная, с румянцем и красотой нездешней. Мужики глянули на неё и тут же вернулись к своим делам. Странное дело: даже ни одной скабрёзности не прозвучало.

— Это кто? — спрашиваю у трактирщика. Я сегодня не сидел ни с кем за столом, кочевал от одного к другому, всё чаще оставаясь у стойки старого приятеля — Ждана, владельца забегаловки. Вечер шёл прекрасно и без участия героя торжества.

— Это? Фея любви, — пожимает плечами Ждан, будто

фей у нас каждый день разгуливают.

Всматриваюсь в лицо приятеля: вдруг шутит? Но тот предельно серьёзен. А я хмурюсь. За время войны я повидал всякого, а вот фей любви вживую не встречал. Слышать — слышал, а вот свидетелься судьба не дала. Родственниц их — фей подводных да лесных — видывал порой, издалека. Не любили эти мирные создания кровь, а от воинов кровью смердит за многие вёрсты.

Вглядываюсь в юную красотку внимательнее: живая, улыбчивая, она порхала от собеседника к собеседнику, всем улыбаясь, но никого не привечая особо.

— И что же, правду про них говорят? — приложившись ещё раз к уж больно крепкому пиву, уточняю у Ждана.

— Что именно? — приятель понимающе щурится: видать, не я первый любопытствую.

— Ну, что раны душевные лечит да удачу приносит? — спрашиваю первое, что всплывает из баек, рассказанных на привалах.

— И раны лечит, и удачу приносит, — кивает трактирщик. — И сама выбирает, кому помощь её нужна.

— Неужто силком никто не тащит? — удивлённо вскидываю бровь. У нас за то наказание, конечно, суровое, но поди докажи: слово против слова, а девкам веры нет — это известный факт. Кто ж поверит, что бравый дружинник мог вести себя как скот?

Увы, кому как не ему, Гориславу, знать, что могут. И на

войне повидал разного, и как командиру приходилось не раз бравых воинов, в пылу битвы голову потерявших, остужать. Да и род мой, славный, военный, магически одарённый, вёл своё начало от бастарда княжеского. Сам князь похоть в узде сдержать не смог, когда увидел красоту жены друга своего, побратима. Даже в семейных преданиях молчат о том, как миром дело решить удалось. Сам бы я вряд ли б такое оскорбление снёс. Хотя никто, кроме семьи, не знал. Даже княжеские отпрыски уже не ведали.

Князь наш нынешний, молодой Ратибор, как-то в пылу победного пира очень тужил, что Горе не брат ему, а только побратим. А я ему и правда не брат — дядька пятиуродный. Хотя, может, и к лучшему, что про то, кроме самого воеводы, никто и не знает уже. И не узнает. У родителей моих детей больше не случилось, дядьки с семьями не пережили последнюю эпидемию, а я ни с кем делиться не собирается.

Из размышлений меня вывел спокойный голос Ждана. Он уже много зим владел трактиром и чувствовал своего гостя: когда надо, давал подумать, когда надо — вступал в разговор.

— Так учёные уже. Когда она тут только появилась, был у нас Ванька Скоробогатый, помнишь такого? — Разговаривая, Ждан наливает ещё пяток кружек пива и отдаёт разносчицам. Разбитные девахи мчатся к столам, торопясь порадовать воинов, глупо подхихикивая на ходу.

— Помню, как не помнить, — киваю я. Ванька был из ро-

да купеческого, да больно нищего. Вот только сам преуспел. Водил караваны на Восток, торговал пряностями да диковинами. Удачлив был чрезмеры.

— Ну вот, зацепило его больно, что фея наша вниманием его обделяла. Говорила, что удачи у него своей хватает, а любовь к ней не прилагается. — Рассказ из уст трактирщика тѣк мерно, будто речка неспешная, и не мешал тому заниматься хозяйскими делами. — Ходил кругами, ходил, да в один момент пропал. Ушѣл с караваном и не вернулся. Вернулись потом наѣмники, что с ним ушли в тот раз, — да не все. Человек пять всего. Рассказывали, что сорвался в путь Ванька неожиданно, чуть раньше срока. Весь был радостный, взбудораженный, как после удачных продаж. Вот только всю дорогу их сопровождали неудачи: то лошадь ногу подвернѣт, то у повозки ось сломается. Раз пять натыкались на разбойников, водой отравились. Будто удача вся отвернулась разом от Ивана. Купцы, что ехали с ним, роптали. Наѣмники богам своим молились, чтоб хоть немного удачи вернуть.

— Не получилось? — спрашиваю очевидное, принимая очередную кружку у Ждана.

— Не, кочевники напали уже на обратном пути, — безразлично пожал плечами трактирщик и невозмутимо продолжил свой рассказ. — Перерезали всех, кого достали, а эти просто сбежали. Говорят: «Трусость не порок, когда боги гневаются».

— Ну а фея-то тут причѣм? — решаю всё же уточнить.

— Так кто-то видел, что в ночь накануне отъезда он фею силком к себе утащил, — Ждан поясняет, будто очевидное, забывая, что меня в родных землях почитай восемь зим не было. — Она не появлялась в городе всё время, пока не было каравана. А соседи Ваньки тоже богам ходили молиться: у кого скотина перемёрла, у кого земли вредитель попортил, у кого склады сгорели. С тех пор у нас её никто и пальцем не трогает.

Оглаживаю бороду свою. Оброс, как медведь какой. Последние седмицы¹ были кипучие. Война отгремела, но мало вернуться с победой. Её надо отпраздновать, все почести воздать, добычу поделить — и только потом вернуться домой отдохнуть. Даже в столице, при князевом дворе, отдохнуть не довелось. Именно моим отрядам поручено было следить за порядком. И не зря: пару раз лазутчики от союзников дражайших готовили подлые подставы.

А потом помер местный наместник, а Синявлю и без того несладко пришлось в последнее время. Несколько эпидемий подряд изрядно выкосили местных. Вот и у наместника никого из родных не осталось. Не придумал молодой князь ничего лучше, чем назначить соратника верного, воеводу опытного, наместником в родном городе. Так и пришлось мне мыкаться между столицей и родным городом. Старые обязательства не отпускали, а новая должность наместника Синявля требовала моего присутствия.

---

¹ Седмица – неделя, сороковник – аналог месяца, сорок дней.

— А поговорить-то с ней можно? — спрашиваю, улыбаясь.

— Гутарь, — отвечает на старый лад Ждан. — Кто ж остановит? Разговоры беды не накликают.

Всё так же улыбаясь, подсаживаюсь к юной фее. Она, устав порхать, села в уголок за маленький столик, куда расторопные девки уже принесли ей скромный ужин.

— Светлой трапезы, — присаживаюсь напротив неё. Она поднимает на меня свои невозможные фиолетовые глаза и секунду смотрит пытливо. Будто нутро моё всё наружу выворачивает. Смотрит-смотрит, а потом моргает — и разом будто преобразается вся.

— И тебе светлого вечера, Горе, которое не-Горе, — улыбается так нежно-нежно.

— Знаешь меня? — удивляюсь.

— А кто ж не знает героя войны? — щебечет, как птичка лесная. — Мага, что взял крепость неприступную? Горе, что некромантов победил да славу княжескую приумножил? Воеводу нашего, бравого — Горислава Ярого?

Веду плечом недовольно. Не чувствую я в себе той славы великой, только усталость смертельную да горе — не своё, чужое. Меня боги миловали, с победой вернули, а сколько храбрых воинов за десяток зим войны полегло? Сколько домов не досчиталось мужей да сыновей?

— Не прячься, Горе, — с какой-то недетской мудростью смотрит на меня красавица. Сразу понятно, что лет и зим ею

прожито куда больше, чем кажется на вид. — Героем быть — тяжкий труд, но посильный тебе.

— Так, может, поможешь, красавица, труд этот облегчить? — улыбаюсь. С такой чаровницей ночь провести — уже радость, даже без волшебных способностей.

— А тебе есть кому силы восстанавливать, боли залечивать да кошмары разгонять, — улыбаясь, отвечает фея. — Сердце твоё и взор не видят богами наречённую, но сила твоя приняла её. Вспоминай, с кем ночи горячи, но спокойны.

Хмыкаю. Горячие, но спокойные ночи? За время войны спокойных ночей у меня и не было толком. Да и горячих — по пальцам пересчитать. Обозными девками я брезговал. Перебивался разбитными вдовушками да боевыми магичками. Таких немного было, но все они были легки на норов, да и срамную болезнь от них не подхватишь. Моя стихия — огонь, и заразу в организме я «выжигал» изнутри, но каждый раз это сопровождалось последствиями и откатом, а на войне такое чревато смертью. Моей ли или воинов моих — разницы мало, не стоило оно плотских утех.

В мыслях мелькнул образ зеленоглазой красавицы. Вдовы, но далеко не разбитной. Пока я воевал, соседская проказливая девчушка выросла, стала девушкой, женой, матерью и вдовой. Её мужа тоже война забрала. Когда я приехал впервые спустя долгих восемь зим домой, именно она показала мой дом. Оказалось, что Любава после смерти его нянь-

ки ведала хозяйством в доме моём наследном. Восемь зим назад я приезжал, когда родителей схоронили. Оставил дом на няньку и умчался защищать родину, да спустя пару зим приставилась и нянюшка. Вот только мне и дела не было до дома далёкого. Война была в разгаре. Порой надо было изловчиться выжить, а уж дела мирные пришлось оставить на потом.

А Любава вот присмотрела за всем. Как только смогла всё? И после смерти своей родни, да мужа, купеческие дела семьи не растеряла. Наняла поверенных, строго следила сама, сына растила да другим помогала. Не только ведь за его домом следила. Несколько воинов, что с ним из походов вернулись, тоже без родни остались. Эпидемии, что напускали враги их, косили люд, не разбирая, кто воюет, а кто мирно пашет.

Вот Любава и организовала помощь осиротевшим домам. Если знали, что воин не вернётся, искали родственников, передавали в наследство. А если жив был защитник земли нашей, то за двором следили, хозяйство нехитрое вели. Наместник, пока в здравии был, помогал Любаве. Да и что ж не помогать? Она с его плеч лишнюю головную боль сняла тем.

В первый вечер, когда я вернулся, мы с Любавой долго вспоминали мою юность да её детство. До того доспоминались, что оказались в одной постели. Ушла она задолго до рассвета.

— Я хоть и вдова, но имя доброе своё чту. Стоит один раз

оступиться — как слава пойдёт по всему городу! — строго отчитала меня Любава, когда я попытался увлечь её обратно в постель.

Проведённая вместе ночь была весомым доводом против её честного имени, но попрекать вдову у меня язык не повернулся. Не похожа она была на тех баб, что каждого у себя привечают. А ночь та и правда была спокойная. Как и пара других, что они провели вместе в его редкие приезды. Не приходили ко мне в кошмарах ни мёртвые друзья, ни горящие враги, ни ходячие мертвецы, ни вырезанные кочевниками сёла.

Днём Любава не позволяла никаких вольностей, одним взглядом пресекая мужские шалости. Но каждый раз сама приходила ночью, даря свою ласку, страсть и тот самый покой, сбегая от меня задолго до первых лучей солнца.

Я так ушёл в свои мысли, что совсем позабыл про всё вокруг, включая столь интересную мне совсем недавно фею. Вот только она напомнила о себе:

— Когда в следующий раз придёт к тебе с новостями душа твоя, трижды подумай, прежде чем ей ответить. Иначе быть большой беде.

Фея упорхнула так быстро, что я ничего не успел спросить. Зачем подумать три раза? Да и какая душа у меня? Разве же она у меня осталась? Не выгорела вместе с воинами противника, что гибли в моём пламени? Не утонула вместе с побратимом в горной реке? Не полегла в поле широким вме-

сте с братьями?

Неужто и правда дома осталась? Будто оставленная на хранение?

Обдумать всё это у Горя не вышло. Стоило ему вернуться домой да завалиться спать, как в дверь замолотили. Приехал гонец с южных окраин воеводских земель. Там разбойники лиходействовать задумали: захватили деревню да порядки там свои учинили. Пришлось собирать дружину из тех, кто потрезвее, да уезжать скорее, пока лихие люди урожай не испортили да людей не погубили.

А разобравшись с разбойниками, Горислав уехал в объезд земель своих, потому что местные крестьяне рассказывали странное про южные леса. Промаявшись в седле ещё седмицу, но так ничего не найдя, воевода княжеский Горислав Ярый вернулся наконец в город Синявль, куда за заслуги ратные наместником назначен был.

Глава 2. Жена

— Я затяжелела¹.

Я только сегодня вернулся с южных лесов. Усталый, злой, голодный. Дом меня встретил истопленной баней и накрытым столом. Любава распорядилась, когда в город вестник от нас прибыл.

И вот сейчас эта зеленоглазая лиса дождалась, пока служки уйдут, запечатала трапезную руной тишины, что на дверях тут от отца моего ещё стоит, и огорошила меня новостью. Распаренный и сытый, я настолько вял, что даже не сразу понимаю смысл её слов.

— Я в тягостях, — повторяет Любава, заметив, что я не понял её. Она стоит с идеально прямой спиной, в своём простом сарафане, расшитом васильками, и не отводит прямого взгляда.

Когда слова доходят до меня, первый порыв — поздравить и спросить, кто отец. Правда, в этот миг перед глазами всплывает юная фея из трактира со своим предупреждением. Рот захлопывается сам собой, и я послушно начинаю думать, а не говорить.

Любаву я знаю с раннего детства. Мне было десять зим, когда в соседском старинном купеческом роду родилась вто-

---

¹ Затяжелела, в тягостях, тяжела стала — означает «забеременела». Носит не только себя, но и дополнительную тяжесть — плод.

рая дочь. Родители Любавы — Тихомир и Веселина — были уважаемыми в городе людьми. Сами заработали право на имя рода. Калитиными стали. Народ метко подметил их бережливость, умение ведать деньгами. Коли верить всему, что говорят, то Любава — достойная дочь своих родителей.

Любава росла на моих глазах. Я знал её характер: слишком гордая, чтобы подкладывать мне чужого ребёнка. Слишком умная, чтобы надеяться, что подлог не раскроется. Она ни на палец не была похожа на тех разбитных девиц, что, похоронив мужа, привечали каждого желающего.

Почему она разделила со мной постель, оставалось загадкой. За седмицу объезда он наслушался сплетен про весь город. Все воины как один убеждали, что Любава Калитина — баба с крутым норовом. Хозяйство своё держит крепко, дело знает хорошо, поверенных держит в ежовых рукавицах, а мужиков к себе после мужа не подпускает.

Зачем ей старый воин? Тепла мужского захотелось, зная, что я трепать языком не буду? Или устала быть той самой бабой с крутым норовом?

Я не знаю ответов, но точно знаю, что если бы Любава сомневалась в отце своего ребёнка, ко мне бы не пришла. Или пришла и честно, глядя в глаза — вот как сейчас, — всё и рассказала.

Вторым порывом захотелось малодушно спросить: «И что дальше?»

На самом деле доказать, что ребёнок мой, несложно. Спу-

стя сороковник-другой он уже проявит силу, и я смогу почувствовать кровь рода Яровых. Наш род силён, кровь будет полыхать ярко. Вот только что будет через эти седмицы? Живот Любава уже не скроет, а брак с пузом вызовет дурную молву. Такой славы своей жене я не желаю.

Жене?

А почему нет?

Воевать своё я уже отвоевал. На чужбину князь не пошлёт, а свой надел и с семьёй защищать можно. Даже нужно. Коль уж оставаться наместником в родных краях, пора дом и земли свои в порядок приводить да наследником обзаводиться.

Сейчас князь в столице порядок наведёт да вспомнит, что воевода его неженатым ходит. Попытается пристроить сестёр своих младших. А они малышки совсем. Пока дорастут до меня в уме да постели, я и состариться успею. Да и не тянуло меня никогда на девок молодых.

Вот Любава хороша. Самый сок: коса тяжела да толста — распустишь, что плащом укутаешь. Глаза зелёные, как луг заливной. Фигурой богата: всё при ней — и спереди, и сзади. Ножки маленькие — с ладонь мою будут. Не белоручка: мозоли честные да хватка крепкая. Характер у неё добрый, душевный, а норов только добавит остроты в семью. С послушной домашней клушей мне, огненному магу, быстро наскучит. Двором моим Любава и так уже много лет ведает. В постели у них всё прекрасно. Чем плоха в качестве жены?

Сынишка у неё есть? Так то не печаль. Малец там смышлѣный, старших уважает, матери помогает. Наследства у него и своего хватает, чтоб с братом делить.

Почему братом?

Я так уверен, что у Любавы будет мальчик?

Прислушиваюсь к себе. Откуда-то изнутри идёт твердое знание. Да, мальчик.

Подумав и так и этак, лучшего варианта я не увидел.

— Пойдёшь со мной завтра в храм Единых? — говорю в итоге, поразмыслив три раза. И в миг понимаю, как была права юная фея. Лицо соседки всего на удар сердца окрашивается такой радостью, что даже мне хочется улыбаться. А искренней радости в моей жизни так мало осталось, что губы забывать стали, как правильно улыбаться.

— Когда? — спрашивает с волнением Любава, и я понимаю, что это «да», но и интерес не праздный. На рассвете в храм ходят влюблённые, днём — те, чьё решение взвешено и одобрено семьями, вечером по долгу идут жениться, а ночью — тишком.

— На рассвете, — произношу я, сам не понимая как. Слова вылетают раньше мыслей. И эти слова тоже оказываются правильными. Морщины на лице моей соседки разглаживаются, а взгляд сверкает улыбкой.

— Буду ждать тебя, — откликается она и, сверкнув глазами, сбегает, не забыв снять защиту от лишних ушей. Сейчас она напоминает ту шкодливую девочку, которой была в

юности, до того как вошла в девичью пору.

Сон ко мне не идёт. Мысли гуляют разные. Вспоминаются слова феи. Неужто и правда Любава сможет принести мир в мою душу? Чего я в ней не вижу?

Мой ли ребёнок?

Мальчик ли?

Я верю Любаве, но подлый червяк сомнения грызёт изнутри, будто камешек в сапоге: вроде и не больно, но неприятно.

Уже лёжа в постели, вспоминаю, как впервые был с Любавой. Какой она была тёплой, манкой, податливой. Как откликнулась мне.

Сколько таких, как я, было у неё?

Муж, а ещё?

Мужики в объезде — те ещё пустобрёхи: на привале хуже баб сплетни разносят. А я нынче внимательно слушал, каждый раз будто невзначай про Любаву выпрашивал. Ни про одного мужика её не вспомнили. Никто ни сном ни духом. Все только вздыхали, что с характером её ни один не сдюжит. Муж как ни приручал — и тот на войну сбежал. Так, может, она выбирала вот таких, как я, — неболтливых?

Про мужа я исподволь тоже узнавал. Да особо без толку. Маг был пришлый, приехал почти сразу после начала войны. Тоже огнём ведал. Службу нёс исправно, но и рвением не отличался. Родители Любавы, пока живы были, сильно меня привечали. А после смерти их любил погулять в трактире да

хвастался, что в узде жену держит. Хотя кто-то бросил, что делами и тогда Любава занималась, а муж де только тратить горазд был.

Ночь за мыслями пролетает незаметно. Уснуть я так и не смог. Думы тяжёлые, словно падальщики над полем боя, кружили в моей голове, норовя откусить кусок побольше. Бросив бесполезные попытки уснуть, пошёл обратно в баню. Под светом магического светляка привёл себя в порядок: постригся, побрился. Сам себе перестал медведя-шатуна напоминать. Дома достал кафтан парадный, со столицы привезённый зачем-то. Сам не понимал, зачем тащил. Здесь же приёмов заграничных давать не перед кем. А вот поди ж ты! Пригодился!

Сердце гулко бьётся в груди, когда незадолго до рассвета я стучу в дверь Любавиного дома. Ворота открыты, а вот дверь — нет. Таковы традиции. Невеста должна выйти сама, по доброй воле.

Любава широко открывает дверь, а я теряю дар речи. Какая же она красивая! Вдовы замуж выходят в белом, не в красном, как девицы. Белый для них из траурного становится символом новой жизни. Вот и на Любаве — белоснежная рубаха и сарафан. Он хоть и широкий, но так волнующе обрисовывает фигуру, что хочется уже побыстрее провести обряд и завершить этот брак совместной ночью.

Любава такая невероятная, с распущенными волосами, лишь перехваченными красной лентой на голове. Это тоже

символ. Она выходит замуж второй раз, и больше ей боги не позволяют. Глаза её сверкают, будто камешки драгоценные переливаются, губки пухлые искусаны и теперь алеют ярким пятном на хорошеньком лице.

Пальчики подрагивают, когда она робко подаёт мне ладошку. Она вверяет себя в мои руки, и её робкий взгляд говорит, что для неё это не напоказ всё. Не просто «время пришло» и даже не попытка спасти доброе имя. Это что-то большее.

Беру её за ледяную руку, и мы идём пешком по улицам города. Все встреченные нами на пути выстраиваются в след и провожают к храму Единых. Это древняя традиция. Все эти люди — свидетели нашего брака. Они идут по улицам неспешно, добираясь к храму, когда солнце только-только встаёт. Мы с Любовью никому не говорили о свадьбе, спешили больно, но народу набралось много. Вести об их свадьбе, будто пожар, разлетаются по городу в сей миг, и людей становится всё больше и больше.

Внутри храма их уже ждёт Жрец. Жрецы всегда ждут. Они всегда знают, когда судьбы должны объединиться на дороге жизни.

Древний обряд сплетает их руки, связывая алой лентой. Быстрая речь жреца заполняет всё пространство большого храма. Высокие статуи мужа и жены — Единых, что покровительствуют всем на этой земле, — возвышаются над нами. Они — молчаливые свидетели каждого брака. Чем громче

речь жреца, тем ярче блики свечей, тем живее становятся статуи. На миг мне кажется, что лицо божественной жены освещает улыбка, а муж её подмигивает нам, но блики свечей вздрагивают, и видение исчезает.

Мы с Любовью спокойно выполняем древний обряд: отламываем по кусочку хлеба, кормим друг друга, пьём воду из священной чаши. Всё происходящее воспринимаю через туман. Не знаю, божья это воля или банальный недосып, но таинство брака обретает воистину сакральный смысл.

Наконец мы подтверждаем ясность и честность нашей воли и скрепляем брак поцелуем. Я хотел лишь коснуться манящих губ Любавы, но стоило только почувствовать их мягкость и податливость, как мне сносит голову. Притянув жену к себе за связанные руки, впечатываю в своё тело и целую глубоко, страстно, остервенело — теперь имею на это полное право. В этот миг храм озаряет яркая белая вспышка, заставляя меня прервать поцелуй.

С удивлением вижу, что на наших руках вместо алой ленты возникает тонкий белый узор — прерывистая вязь из божественных символов. Отец рассказывал, что так боги отмечают самые крепкие семьи — те, чья судьба шагать нога в ногу по дороге жизни.

— Боги благословили ваш союз! — громко и торжественно провозглашает Жрец, протягивая мои родовые браслеты. Они полностью перекрывают божественные символы, скрывая их от любопытных взглядов.

Застёгивая браслет на руке Любавы, ловлю её взгляд. Искрящийся, радостный, она будто хмеля хлебнула — такая же счастливая и беззаботная сейчас. Не выдерживаю, чмокаю её в висок и заплетаю косу. Она получается кривой и лохматой, но Любаву не портит. Её ничто не может испортить — настолько хороша моя жена.

Под громкие пожелания детей, крепкого брака и благословения покидаем храм. Ну вот. Теперь у меня есть жена!

Глава 3. Сын

Минуло пять сороковников, и вот я сижу на крыльце собственного дома. Где-то там внутри моя жена рождает. А я грызу себя поездом, ощущая, как гуляет родственная мне сила. Конечно же, малыш оказался моим. И да, Любава носила под сердцем мальчика.

Спустя две седмицы после свадьбы в малыше проснулась сила, и я понял, что у меня будет наследник, крайне одарённый магически — едва ли не сильнее меня самого. Что может быть желаннее для мужа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.